

Василий Алексеевич Слепцов

Ночлег

Василий Алексеевич Слепцов

Ночлег

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22198873
Ночлег: 1863

Аннотация

«...На дворе стояла оттепель, смеркалось; по опустевшим городским улицам кое-где бродил народ. Запоздавшие на базаре мужики, лежа в санях, перекликались и погоняли лошадей. На самом краю города, в харчевне виднелся огонь. У крыльца, на площадке, густо покрытой навозом, стояли извозчичьи и крестьянские сани. Свет, полосой падавший из окна, освещал шершавые бока лошадей, угрюмо мотавших мокрыми хвостами, и наблюдавшего за лошадьми мальчишку в полушубке...»

Василий Алексеевич Слепцов Ночлег

На дворе стояла оттепель, смеркалось; по опустевшим городским улицам кое-где бродил народ. Запоздавшие на базаре мужики, лежа в санях, перекликались и погоняли лошадей. На самом краю города, в харчевне виднелся огонь. У крыльца, на площадке, густо покрытой навозом, стояли извозчичьи и крестьянские сани. Свет, полосой падавший из окна, освещал шершавые бока лошадей, угрюмо мотавших мокрыми хвостами, и наблюдавшего за лошадьми мальчишку в полушубке.

Рядом с харчевнею, в ворота постоянного двора въезжали мужики. На дворе виден был фонарь, висевший на перекладине, и несколько крестьянских саней. В избе тоже светился огонь. Хозяйская работница накрывала на стол и собирала ужин. Человек пять мужиков сидело по лавкам; один из них разувался и вытаскивал из сапог солому; другой полез было на печь, однако слез – на печи лежал хозяин пьяный. Между тем в избу всё входили вновь приехавшие мужики; понизу из двери стлался пар; в сенях хозяйка выдавала овес.

– Щец, что ли, влить, али вперед квас станете хлебать? – спрашивала у мужиков работница.

– Мы всё станем, – отвечал один.

– Подавай, что есть, – прибавил другой.

Работница поставила на стол чашку с квасом, мужики помолились на образа и сели. Вошла хозяйка с фонарем и сказала:

– Хлеб да соль!

– Просим милости, – ответил один из мужиков, высыпая в чашку крошенную рыбу.

– Огурчика бы, – вполголоса заметил другой.

– Нету, родимый, нету... Прокисли, – ответила хозяйка. – Мало соли, что ли, уж не знаю. Скотине покидали, и скотина не ест. Такая мне, право, досада с этими с огурцами; кабы знала, легче бы не солила.

Мужики молча стали хлебать квас.

– Это кто ж у вас, хозяйка, на печи-то лежит? – спросил один из сидевших за столом.

– Хозяин лежит, родимый, хозяин. Грешным делом тоже выпил, ну и спит. Незомь его.

– Что ж он у вас, дерется? – спросил другой.

– Нет, драться он не дерется, а тоже со временем озорничать лют. Черёзвый он у нас смирен; так смирен, настоящий андел, хошь паши на нем; ну а выпьет, – всех распужает.

В это время вошли только что приехавшие, помолились, сказали «хлеб да соль» и начали раздеваться.

– Кирсановски будете? – спросил один из вновь вошедших.

– Нет, мы духовщински, – не глядя отвечал один из сидевших за столом.

– Давно ль из двора?

– Пяты сутки.

– Ну, как дорога?

– Что дорога? Дорога ноне везде одна.

– Дорога, брат, Сибирь, – добавил другой.

– Лошадей так сморили, так сморили, – ни на что не похоже.

Ноне утром встали, вышел я лошадей попоить; а они, брат, за овес-то и не примались.

– Как не сморить. Пуще всего моча одолела. Эдакой мочи то есть и не видано. Всё норовим засветло ночевать. Теперь ночью где в зажоре застрял, беда. Пропадешь.

– Пропадешь. Долго ли до греха.

– Ночью как можно? – сказал один, развешивая над печкою онучья. – И днем-то не приведи господи, а не токма́ что ночью. Тоже и скотину беречь нужно. Дорогой-то едешь, почитай что все на себе везешь.

– Скотину не беречь, что ж тогда будет? – заметил один из сидевших за столом и прибавил:

– Лапши нету?

– Нет, лапши нету, – отвечала хозяйка. – Мы картофь варили.

– Давай картофь! С чем он у вас, с маслом?

– С хлебцем, родимый. Хлеб у нас мягкий, ноне пекли.

Мужик ничего не сказал и тряхнул волосами.

– Вот, говорят, скотина, – начал мужик, сидевший в углу на лавке. – Скотина, скотина, а тоже понимает, что тяжко. Везет, везет да оглянется. Я, мол, что ты? Ай подсобить? Она мордой-то вот этак. Стало быть, вот тоже понимает; сказать только не может, а ты должен догадаться.

– Известно, скотина не скажет, – опять заметил сидевший за столом. – Ну, и впрочем... Кваску бы, хозяйка.

– Сичас, сичас, – заторопилась хозяйка.

Работница накрыла на другом конце стола другой ужин. Вновь приехавшие сели.

– А солдат-то наш где? – спросил один из них.

– Там, в возу что-то копается. Я его кликала, – ответила работница.

– Сходи, умница, покличь еще! Скажи: иди, мол, ужинать проворней.

Работница пошла было за солдатом, но встретила с ним в дверях.

– Вот он, солдат-то, когда намочился, – говорил отставной солдат, входя в избу.

– Иди садись, – сказали ему мужики.

– Постойте, братцы; дайте срок. Уморился до смерти с товаром-то с своим. А! Хозяйка! Старушка – божий дар – здорово! Ай не узнала?

– Как не узнать? Старый хрыч. Все еще жив?

– Жив бог, жива душа моя.

– Куда это тебя носило?

– Да все по торговым делам.

– Купец!

– Сокрушила меня эта торговля, пропади она совсем. Ничего не стоит. Хозяин-то где ж?

– Вон, порадуйся, на печи лежит дитяtko. Налопался, спит.

– Что ж, это ничего. Пройдет. Это не вредно. Ах, намоchился! Влетели в канаву, вот по этих мест окунулся. А что, солдату погреться водочки не будет?

– Как не быть.

Солдат выпил и спросил:

– А закуски не полагается?

– Кто ее припасал для тебя, закуску-то! Нешто у нас кабак?

– Ну, ничего, мы языком закусим. Нет, ты слушай, Матвевна, как мы влопались-то, я тебе расскажу. Накось, повесь посушить! Как влопались – в лучшем виде. Я вчерась еще говорю: вы, говорю, у меня, мужики, не дремать. Они лошадей, знаешь это, распустят, и знать ничего не хотят. А я уж тоже твердо знаю их эту мужицкую привычку; кричу им: робята, не отставай, дружней! Потому, тут, упаси господи, всех лошадей перетопишь. А Федюшка – подлец, вот он, рыжий-то. Что ты глядишь? У! – Я это с товаром-то с своим, а он, брат, вон де, за версту отстал; гляжу – дрыхнет. Ах, черт-то вас возьми совсем! Я один и остался. Лошаденку разогнал

да так весь, как был, и с потрохом с своим влопался, как черт. Главная причина, очень уж дрыхнуть здоровы. Так спят, так спят, просто ни на что не похоже.

Мужик захохотал.

– Ха-ха-ха! что ты ржешь-то, как кобыла на овес?

– Да. Поработал бы ты с наше; поглядел бы я, как бы ты стал храбриться, – отозвался один мужик.

– Вы молитесь бога, что не я у вас бурмистром, а то бы я вам показал, как спать.

– Ну, да ладно. Аника-воин! Садись уж! Вона она ложка-то.

– Сесть я сяду, а вас учить надо.

– Выучил такой-то один.

– Такой, да не эдакой. Вот что. С чем же картошь-то у вас,

Матвевна?

– Известно, с чем, – с хлебом.

– А масла-то что ж?

– Еще масла. Ишь ты, моду какую выдумал! Картошь с маслом. Модник! Вон мужички не хуже тебя, а с хлебцем покушали.

– Пускай кушали, а я не хочу.

– А ты что за граф за такой?

– Известно, граф.

– Какой такой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.